Развод по любви / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Развод по любви / рассказ РАЗВОД ПО ЛЮБВИ

Любви (Егоровой)

Парк стоял напротив дома. Вернее, дом стоял напротив парка. Из густой тьмы шла сырость, пропахшая травой и осенью. Там шуршала тайная жизнь природы, не затрагивающая бетон и стекло дома.
Марго сидела на детской карусели, отталкивалась ногой, пуская себя в плавное кружение, курила и слушала шепоты и скрипы. Шептал парк, скрипела карусель, но что именно они хотели ей донести, Марго никак не могла разобрать.
Дом молчал, как молчал все те семь лет, что она в нем прожила. Дом был неудобен и уродлив — непропорциональные, грубо приделанные балконы, монолиты блоков, бесцветный окрас стен, вечная вонь в подъезде и так за семь лет и не обжитая нормально съемная двушка.
Но Марго все равно любила этот угрюмый дом, окруженный многочисленными близнецами, успев примерить его на свою жизнь — на эту скрипучую карусель и на привычные стены с облезлыми обоями, на рассветы над парком. Где она так ни разу за все годы и не была, хотя постоянно собиралась то бегать там по утрам, то гулять по вечерам, то хотя бы просто сходить на экскурсию. Парк пропадал из года в год зря, потому что был неинтересен Феде. А Федя был — муж.
Муж любил диван, сериалы и настольные игры. Причем сериалы старые, многократно смотренные, настольные игры — обязательно с одними и теми же друзьями, и все это как-нибудь так, чтобы не расставаться с диваном. Они даже спали в разных комнатах, не совпадая по графику: Федя рано вставал и рано приходил с работы, Марго наоборот.
Но она тоже очень старалась полюбить и скучные настольные игры, и наизусть запомнившиеся сериалы и даже диван, потому

что любила Федю.
Вернее, думала, что любит, и старалась укреплять их маленькую семью общими интересами, так, чтобы они были все время вместе, как и должно быть мужу и жене, которые смотрят в одну сторону жизни, вместе проходят через черные и белые полосы судьбы и в горе, и в радости, или как там еще говорили в любимых Фединых сериалах, слезливых, душещипательных, с обязательным хэппи-эндом.
Там, в экранной, сценаристами написанной, жизни, муж и жена встречались один раз и до конца, каждое утро радовались, что есть друг у друга, обменивались клятвами и вешали на стены совместные фотографии в красивых рамочках.
Марго тоже старалась, заботливо распечатывала фотографии формата А4 из каждой поездки, чтобы украсить очередное местечко на стене — вот они на фоне моря, вот весело хохочут где-то на даче, а вот просто нежно обнявшись, стоят в московском парке, не в том, что рядом с домом, а модном, куда ездят парами все друзья Феди, и где летом можно посидеть в кафе и поиграть в настольные игры. Таком, как все асфальтовые парки в центре, на которые администрация главного города страны ухлопала миллиарды бюджетных средств, чтобы покорить сердца туристов, создать им видимость чистенькой фотографии из буклета, чтобы все выглядело как там, а не тут, где давно уже наступила новая эра, и куда ездили продвинутые друзья Феди.
Марго не любила эти парки — они казались ей ненастоящими. Слишком ухоженными, слишком асфальтовыми, слишком многолюдными.
Правда, там можно было танцевать под сезонную музыку на специальных распахнутых площадках, а танцевать Марго любила, хотя и не очень умела, но Федя к танцам относился отрицательно. Диван давно перестроил его организм под себя — двигаться с таким запасом калорий вокруг скелета получалось неуклюже и медленно, какие уж тут танцы.
Слушая парк и карусель, Марго думала, что фоторепортаж об их счастливой семье, украшавший стену, был таким же враньем, как газетные заметки о процветании городских парков.
Люди на стене, обнимавшие друг друга и заразительно

улыбавшиеся в объектив, без прицела фотоаппарата улыбались редко, а лицом к лицу – почти никогда. Зато часто ругались по пустякам, выбирая, например, колбасу в магазине. Федя мог бросить корзину с продуктами на пол, и уйти, не оборачиваясь, и не беспокоясь о том, что кошелек, как у владеющего общим бюджетом, у него, и Марго остается только краснеть, подбирать все с пола и разносить обратно по полкам, убеждая себя, что она сама виновата и не угодила, не поняла, не уступила вовремя. В следующий раз она старалась уступить заранее, чтобы исключить саму возможности разности вкусов, потому что не может быть разных вкусов у тех, кто соединил быт и жизни, собирается быть счастливым и умереть в один день. Раз не может, то, значит, ее задача – соединить и вкусы, как жизни, сплести их в одну общую веревочку, удерживающую их счастье.
Из маленьких повседневных уступок складывались дни, месяцы, года, общие интересы складывались из интересов Феди, а Марго все уступала, уступала и уступала, потому что думала, это и есть брак, что так и должно быть, пусть в сериалах такое почти и не показывают, потому что, конечно же, в сюжет помещается не все. Наверняка за кадром остаются ссоры в отделе молока и сыра, пустые вечера в разных комнатах, каждый – в своем фейсбуке, и выходные с друзьями, когда перед камерой телефона снова появлялись отработанные счастливые улыбки, и внутри немного теплело, потому что должно быть тепло, если вместе.

И вдруг все рухнуло. Сразу и окончательно. Будто некая стеклянная стена, все эти семь лет отделявшая Марго от жизни, помогавшая смотреть на брак, на вечера, на друзей и сериалы как бы через подсвеченную украшенную витрину, вдруг с хрустом лопнула и осыпалась в переливающуюся пыль, и она смогла, наконец, выйти из витрины и окунуться в какие-то совершенно другие запахи, вкусы и тактильные ощущения. Оказавшиеся настолько яркими и глубокими, что иногда от них сбивалось дыхание, словно после быстрого бега и сердце колотилось, дрожали колени и горели уши.
Началось все как-то не так, как показывали в сериалах. Не сразу – с разбега в пылающее пламя, когда увидели, как

споткнулись, замерли на фоне заката и так и остались стоять в ожидании изящной вязи «The End».
Всего только несколько взглядов вскользь, изучающих, почти равнодушных. Сухие «привет», «да, конечно», «знаешь, соглашусь», «вот-вот, о чем и я говорю». Недолгое общение в скучной компании. Один из тысячи обыкновенных вечеров, одна из тысячи ежедневных встреч, забывающихся через десять минут после окончания.
Но уже от первых нескольких взглядов и слов что-то неуловимо изменилось в воздухе, даже сам воздух как-то вдруг изменился.
Уже тогда Марго первый раз почему-то вдруг проснулась глубоко за полночь, прислушиваясь не к монотонным голосам с экрана из соседней комнаты, а к неуловимому шепоту за стеклом окна, где стояла теплая тревожная осень, на удивление красивая, красивее даже, чем на картинках и в сериалах. Ее, эту киношную осень, никак нельзя было вместить в рамочки, или впихнуть в открытки, разделить на фотообои, да и не хотелось этого делать, а хотелось ее прожить, продышать, ощупать взглядом каждую золотую минуту, спрятать глубоко у себя за душой, чтобы иногда, украдкой, доставать и с закрытыми глазами заново прикасаться к смутным, но крепко отпечатавшимся воспоминаниям, золотым отсветом осевших где-то в ней насовсем.
Марго не могла понять, отчего появилось смутное беспокойство, откуда взялась бессонница, что за неясное томление охватывает ее по вечерам, зачем она не находит себе места, и почему так жадно накинулась на новую, ранее не слушанную музыку, и с чего вдруг такими дурацкими показались разом все фотографии со «стены счастья». Марго смотрела на фото, и думала, почему же она раньше не видела, насколько у них обоих показушные улыбки, пустые глаза и неужели все, кто видел их фотографии, этого не замечали? Или замечали, но не говорили? Или сами так же искусственно улыбались, а потому думали, что такие вот улыбки — это так и надо?
Потом начались разговоры. Сначала по переписке, потом — в уютном полумраке пабов. Затяжные, но пролетавшие моментом, словно стихи, все время обрывающиеся на недоговоренном, на самом важном, о чем обязательно надо было еще договорить и как

можно быстрее, да прямо хоть по пути домой в воцапе или фейсбуке.
Приглушенный свет отражался в бокалах, хрипловатый голос переплетался с ее, Марго прикрывала глаза и не понимала, как же раньше не было этого обволакивающего голоса, выговаривающего настолько правильные слова, что, казалось, она их уже когда-то слышала и запомнила, и вот теперь они к ней вернулись и она счастлива узнаванием. Она догадывалась, что это ее слова, которые, оказывается, всегда метались в ней, выталкиваемые мыслями, но не находили выхода, и вот теперь радостно звенели внутри, сталкиваясь со своими материализовавшимися близнецами.
Часто слова совпадали вслух – потому два голоса договаривали одну и ту же общую мысль, и даже пиво им нравилось одинаковое, вишневое, не грубое, не пивное, а чуть приторное, словно сироп из детства. Тот самый сироп, из единственного уцелевшего от всего хрустального бабушкиного сервиза маленького стаканчика с голубым контуром лилий, из которого всегда так сладко было пить не то, что сироп, а даже обычную воду. Сироп же и вовсе содержал сладость вишни, пьяную летнюю радость и ожидание чуда, брезжившего в дальнейшей жизни.
Чуда не случилось, вкус сиропа почти забылся, но что-то такое от него ощущалось в розоватом слабом пиве, поэтому Марго и полюбила его. Оно напоминало ей затаенную радость детского ожидания.
Постепенно разговоры вытеснили все, даже работу, забрали все свободные минуты, в ущерб лежанию в ванне и сериалам. Мысли укладывались в буквы, и слова обязательно должны были отразиться эхом чужого голоса, так, что невозможно было терпеть, без разговоров стало невозможно обходиться, как без сигарет.
А потом была рука, первый раз взявшаяся за ее руку, чтобы помочь перейти через темную лужу, с отражавшимися в черноте воды тусклыми белыми фонарями и ослепительной желтой луной.
Удивленные взгляды, уже впрямую, а не украдкой, и мурашки по всему телу. Пальцы покалывало, как от едва уловимых ударов током: словно кровеносные сосуды ее собственной ладони и чужой

теплой руки проступили сквозь кожу и проросли друг в друга, соединив их единой кровеносной системой, так, что оба чувствовали, как сердца стучат в одинаковом ритме, неровном, частом, жарком.

Вот тот момент все рухнуло, раскололось в пыль, а осколки сложились в слово «Вечность» со знаком минус, и Марго наконец-то поняла, как Герда сумела разыскать Кая в заснеженной неживой темноте за Полярным кругом у черта на рогах: потому что их руки точно также срослись, стоило им первый раз соединить ладони. И Герда шла, протягивая вперед руку, ее вело тепло ладони Кая, вело, словно он сам шагал впереди сквозь ледяную пустоту вечной ночи одиночества.

Марго не думала о том, что будет, если Федя узнает, и когда он узнает. Она вообще не думала ни о Феде, ни о так тщательно собираемом фотоколлаже счастливой семьи — это все вдруг выцвело, потеряло смысл, а смысл теперь имела только теплая рука, стискивающая ее руку.

Даже сейчас, на ветру, сжимая ладонь в кулак, Марго чувствовала чужое трепетное тепло — словно ее кисть была обернута им, как лоскутом, тепло это, как варежка, грело кожу ровным стойким жаром. Если она закрывала глаза, то чувствовала, что не ее ладонь — все еще здесь, как будто и не размыкались руки, и пульсирующие кровеносные сосуды, сшившие их кожу, продолжают перегонять одинаковую вишнево-сладкую густую кровь от сердца к сердцу.

Все, все рухнуло, сломалось и развалилось, даже без единого поцелуя, не говоря уже о прочем, но разговоров и опьяняющего вишневого безумия оказалось вполне достаточно. Остановиться стало невозможным.

Марго тоже сломалась — ее тянуло на две жизни.

Семь лет и уродливый дом тянули ее к себе, друзья хватались за голову, задавали вопросы, вываливали советы, ахали, плакали, тащили ее обратно, снова туда, снова в искусственное счастье, как у всех, в сложившуюся привычность, в стабильную ругань возле полок с вином и сыром, в запах необжитой за все годы брака квартиры, в ванную с двумя зубными щетками в стаканчике, в ежевечернюю пустоту, в сериалы, настольные игры и

неискренние улыбки. И было немного жаль запасов крепкого кофе, который они вместе с Федей выбрали однажды, на удивление, едва ли не единственный раз совпав во мнении, было жаль сонных солнечных пробуждений от запаха этого кофе, но нельзя же жить целую унылую жизнь с человеком лишь потому, что вы с ним купили несколько упаковок хорошего кофе. Кофе — весомый аргумент, но все-таки на одном только нем не протянешь до надписи «The End».

А парк и привкус вишни сманивали в новое, пугающее, незнакомое, но почему-то убедительное тем, что вот оно-то — настоящее. И нечего тут думать, потому что думать-то не о чем, вариантов нет и быть не может.

Карусель сделала очередной круг, и Марго уже знала, что надо вставать, идти в подъезд, подниматься на четвертый этаж, окунаться в привычный сырой запах, потом в тишину обиженной квартиры, умыться, переодеться, извиниться, унижаться, умолять, выклянчивать, убеждать, что нет, нет, нет, собирать, склеивать, чинить и оставаться — возле стены с фотоулыбками, в запахе привычного излюбленного кофе.

Дом в холодной ночной, жужжащей лампочкой над подъездом, тишине укоризненно ждал. Но парк тоже ждал — сыростью, настороженным ветром, и осенними листьями, метавшимися на этом ветру.

Марго выбросила сигарету, встала, размяла затекшие плечи. И побежала.

Она бежала по велосипедной дорожке, потому что вдоль нее стояли фонари, а велосипедистов во мраке явно не предполагалось. Да и вообще никого не было больше в прохладной, мокрой, ветреной ночи, все разошлись по одинаковым уродливым домам, по плохо обставленным одинаковым квартирам и плохо устроенным жизням, оставив всю ночную прекрасную тишину ей, весь парк и осень — ей одной.

Марго бежала сначала медленно, неуверенно, на преодолении, когда каждый шаг дается с трудом. Через несколько метров, когда заломило грудь и взмокла спина, внутри нее что-то вдруг очнулось, как когда-то на уроках физкультуры, кроссовки перестали давить на ступни, дыхание выровнялось, и она вбежала

в осень и убегала в нее все глубже, глубже и глубже, оставляя за спиной дом, ежевечернюю тоску, осуждающие глаза общих друзей, подсказки взрослых родственников, семь лет уступок и скрипучую карусель.
Бежала и думала, что из всего этого ей жалко только карусель — вернее, всех тех мыслей, что передумались на ней за семь лет под сигареты и терпеливое ожидание парка. Которое, наконец, оправдалось.

Об авторе: АНАСТАСИЯ РОГОВА

Прозаик, сценарист, журналист, критик. Окончила Литературный институт им. Горького и Киношколы Александра Митты. Публиковалась в журналах «День и Ночь», «Бельские просторы», «Юность» «Вопросы литературы» и др.. Участник Форума молодых писателей в Липках. Лауреат сетевой международной литературной премии «Согласование времен». Hekaýalar